

Проблема применимости института добросовестного приобретателя к обороту цифровых активов¹

Аннотация. В условиях стремительной цифровизации и появления новых форм имущественных прав особую актуальность приобретает вопрос о применимости традиционных правовых институтов к цифровым активам. Настоящее исследование посвящено анализу возможности распространения института добросовестного приобретателя на оборот цифровых активов. В работе проводится сравнение правовой природы традиционных объектов гражданских прав и цифровых активов, исследуются технологические особенности blockchain-систем, анализируются экономические и правовые последствия потенциального применения данного института к цифровым активам. На основе исследования формулируется вывод о нецелесообразности распространения режима добросовестного приобретения на цифровые активы и предлагаются альтернативные механизмы защиты участников цифрового имущественного оборота.

Ключевые слова: цифровые активы, токен, добросовестный приобретатель, правопреемство, сделка

Олег Александрович ПОЛЕЖАЕВ,

доцент кафедры
финансовых сделок
и новых технологий в праве
Исследовательского
центра частного права
имени С. С. Алексеева
при Президенте РФ;
доцент кафедры
интеллектуальных прав
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук
polezhaevoa@mail.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

DOI: 10.17803/2311-5998.2025.128.4.073-081

Oleg A. POLEZHAEV,

Associate Professor, Department of Financial deals and New Technologies in Law
of the Private Law Research Centre under the President
of the Russian Federation named after S.S. Alekseev;
Associate Professor of the Department of Intellectual Rights of the Kutafin Moscow
State Law University (MSAL), Cand. Sci. (Law)
polezhaevoa@mail.ru
9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

The Problem of the Applicability of the Institution of a Bona Fide Acquirer to the Turnover of Digital Assets

Abstract. In the context of the rapid digitalization of economic relations and the emergence of new forms of property rights, the question of the applicability of traditional legal institutions to digital assets is of particular relevance. This study is devoted to a comprehensive analysis of the possibility of spreading

¹ Исследование подготовлено в рамках выполнения государственного задания, утвержденного Исследовательскому центру частного права (номер научно-исследовательской работы в ЕГИСУ НИОКТР 124022800097-1 на тему «Юридическая квалификация отношений по созданию и обращению цифровых активов»).

the institution of a bona fide acquirer of digital assets on the contrary. The paper provides a detailed comparison of the legal nature of traditional objects of civil rights and digital assets, examines the technological features of blockchain systems, analyzes the economic and legal consequences of the potential application of this institution to digital assets. Based on the conducted research, a reasonable conclusion is formulated about the inexpediency of extending the regime of fair purchase to digital assets and alternative mechanisms for protecting participants in digital property turnover are proposed.

Keywords: digital assets, token, bona fide acquirer, succession, transaction

Цифровая трансформация общественных отношений привела к появлению новых объектов гражданских прав — цифровых активов, которые по своей природе существенно отличаются от традиционных объектов гражданского оборота. Эта трансформация ставит перед правовой наукой вопрос о применимости классических правовых конструкций к новым цифровым объектам.

Институт добросовестного приобретателя традиционно обеспечивал баланс интересов участников имущественного оборота и его стабильность. Однако технологические особенности цифровых активов и специфика их оборота требуют тщательного анализа возможности и целесообразности применения к ним данного механизма.

Актуальность данного исследования обусловлена несколькими факторами: во-первых, ростом рынка цифровых активов, который требует формирования адекватного правового регулирования; во-вторых, необходимостью защиты прав и законных интересов участников цифрового имущественного оборота; в-третьих, важностью обеспечения правовой определенности в отношении статуса приобретателей цифровых активов.

История развития института добросовестного приобретателя уходит корнями в римское право, где он возник как ответ на практическую потребность обеспечения стабильности имущественного оборота². Римские юристы столкнулись с необходимостью разрешения фундаментального конфликта между интересами собственника, утратившего владение вещью помимо своей воли, и лица, добросовестно приобретшего эту вещь у неуправомоченного отчуждателя³.

Развитие института обуславливалось необходимостью поиска баланса между двумя фундаментальными принципами права: неприкосновенностью права собственности и защитой добросовестных участников оборота. В результате сформировалась концепция, согласно которой в определенных случаях интересы добросовестного приобретателя могут получить приоритет над интересами собственника.

Существование института добросовестного приобретателя в современном праве базируется на трех ключевых предпосылках⁴:

² Новицкий И. Б. Римское право : учебник. М. : Проспект, 2019. С. 124—126.

³ Дождев Д. В. Римское частное право : учебник. М. : Норма, 2018. С. 387—389.

⁴ Суханов Е. А. Вещное право : научно-познавательный очерк. М. : Статут, 2017. С. 223—225.

- возможность выбытия вещи из владения собственника помимо его воли. Отсутствие волеизъявления собственника на передачу права собственности создает основу для потенциального конфликта интересов между собственником и последующим приобретателем вещи;
- экономическая необходимость возвращения вещи в гражданский оборот. Длительное исключение имущества из оборота противоречит интересам общества в целом. Имущество должно использоваться эффективно, приносить пользу и участвовать в экономическом обороте;
- объективная сложность установления истинного собственника в условиях массового производства и обращения однородных вещей. В современном обществе отследить историю владения конкретной вещью становится практически невозможным. Отсутствие единой системы учета прав на движимые вещи, их массовый характер и сложность отслеживания цепочки передачи прав создают ситуацию, когда добросовестный приобретатель объективно не может установить легитимность прав отчуждателя.

В отличие от большинства случаев перехода права собственности, которые относятся к производным способам приобретения права, приобретение права собственности добросовестным приобретателем представляет собой первоначальный способ приобретения права. Право собственности возникает не в результате передачи права от предыдущего собственника (что было бы невозможно в силу принципа «никто не может передать прав больше, чем имеет сам»), а в силу прямого указания закона. Общество, таким образом, признает за добросовестным приобретателем право собственности независимо от дефектов в цепочке предшествующих переходов права.

Специфика цифровых активов как объекта гражданских прав

В отличие от традиционных объектов гражданских прав владение цифровыми активами основано на принципиально иных технологических механизмах. Ключевой особенностью является криптографическая природа доступа к цифровому активу⁵. Владение в данном случае реализуется через обладание криптографическим ключом⁶, без которого использование актива становится невозможным⁷.

⁵ Генкин А. С., Михеев А. А. Блокчейн: как это работает и что ждет нас завтра. М. : Альпина Паблицер, 2018. С. 78—82.

⁶ Генкин А. С., Михеев А. А. Указ. соч. С. 78—82.

⁷ Справедливости ради отметим, что не все цифровые системы обеспечивают верховенство господства пользователя над цифровым активом, в результате чего положения, содержащиеся в настоящей статье, не могут быть полностью применимы в отношении цифровых активов, созданных в централизованных блокчейнах, так как в них роль администратора крайне высока. С другой стороны, даже столь совершенные системы информационной безопасности, как децентрализованные цифровые системы, являются техническими средствами, работа которых может сопровождаться недостатками, ошибками или сбоями, в результате чего всегда остается риск даже случайного повторения уникального кода доступа к цифровому активу. Также стоит отметить, что вероятность

Этот механизм принципиально отличается от физического владения традиционными вещами.

Если традиционная вещь может быть похищена или утеряна, то цифровой актив остается доступным только лицу, обладающему соответствующим криптографическим ключом.

Процесс передачи цифровых активов также имеет существенные технологические особенности. Любая операция с цифровым активом требует активного действия со стороны владельца — использования приватного ключа для подписания транзакции. Криптографическая защита доступа к активу через приватный ключ представляет собой наиболее важный уровень обеспечения сохранности цифрового актива. Приватный ключ, представляющий собой уникальную последовательность символов, математически связан с публичным ключом и является единственным средством, позволяющим распоряжаться активом. Не существует технической возможности получить контроль над активом без обладания соответствующим приватным ключом.

Это принципиально отличается от ситуации с традиционными вещами, где физическое завладение возможно помимо воли собственника. Это означает, что несанкционированная передача цифрового актива технически и фактически невозможна без участия владельца или компрометации его ключа.

Любая операция с цифровым активом требует сознательного действия владельца по подписанию транзакции с использованием приватного ключа. Не существует технической возможности инициировать передачу актива без такого активного действия со стороны владельца. Это создает ситуацию, при которой любая передача актива всегда является результатом волеизъявления владельца, выраженного в форме электронной подписи транзакции.

Многоуровневая система проверки и подтверждения транзакций обеспечивает дополнительную защиту от несанкционированных операций. Каждая транзакция проходит многоступенчатую проверку, включающую валидацию криптографической подписи, проверку соответствия протоколу, достижение консенсуса в сети. Эта система делает технически невозможным проведение операций без авторизации законного владельца.

Особого внимания заслуживает вопрос о компрометации приватного ключа, который часто приводится как аналог кражи в традиционном имущественном обороте. Однако такое сравнение является некорректным по нескольким причинам. Во-первых, компрометация приватного ключа всегда является следствием нарушения владельцем установленных правил хранения и защиты ключевой информации. В отличие от традиционной кражи, где собственник может лишиться имущества, несмотря на принятые меры защиты, утрата контроля над цифровым активом возможна только при нарушении протоколов безопасности самим владельцем.

Анализ технологической архитектуры цифровых систем позволяет сделать фундаментальный вывод о принципиальной невозможности выбытия цифрового актива помимо воли его владельца.

подобного случайного действия настолько мала, что считается ничтожной и не учитывается специалистами при определении общей технической характеристики института цифровых активов. См. подробнее: Bitcoin: A Peer-to-Peer Electronic Cash System // URL: https://bitcoin.org/files/bitcoin-paper/bitcoin_ru.pdf (дата обращения: 09.12.2024).

В отличие от традиционных систем учета прав на имущество, где информация может быть фрагментарной, недоступной или подверженной искажениям, блокчейн⁸ обеспечивает беспрецедентный уровень прозрачности и надежности данных о каждой транзакции⁹.

Распределенный реестр, в котором фиксируются все операции с цифровыми активами, обладает несколькими фундаментальными характеристиками, отличающими его от традиционных систем учета. Прежде всего, это публичность и общедоступность информации. Любой участник системы имеет возможность в любой момент получить доступ к полной истории транзакций. В традиционных реестрах доступ к информации часто ограничен и требует специальных разрешений или запросов.

Блокчейн хранит информацию обо всех операциях с момента создания актива, формируя непрерывную цепочку передач прав. Каждая транзакция неразрывно связана с предыдущими, создавая полную и достоверную картину движения актива. Это исключает возможность появления «пробелов» в истории владения, что случается с традиционными объектами гражданских прав.

Криптографические методы, используемые в блокчейне, создают беспрецедентный уровень надежности информации, недостижимый в традиционных системах учета прав. Любой участник может не только увидеть историю передач актива, но и убедиться в действительности каждой операции, проверить полномочия участников и соблюдение установленных правил при совершении транзакций.

Таким образом, блокчейн-технологии создают принципиально новую парадигму в отношении доступности и достоверности информации об истории владения активом. Любое лицо, планирующее приобретение цифрового актива, может проследить всю цепочку его передач от момента создания до текущего состояния, в отличие от ситуации с традиционными объектами гражданских прав, где история владения часто остается неизвестной или труднодоступной.

Специализированные сервисы для анализа цифровых транзакций существенно упрощают процесс проверки происхождения, позволяют автоматически выявлять подозрительные операции, отслеживать связи между адресами и транзакциями, определять источники происхождения средств, и делать это технически просто.

Положение, при котором приобретатель не знал и не мог знать о том, что приобретает благо у неуправомоченного отчуждателя, в цифровой среде становится невозможным как физически, так и юридически, ведь надлежащий отчуждать всегда отражен в системе и обладает уникальным знанием о коде доступа к цифровому активу.

Консенсуальный механизм подтверждения транзакций¹⁰ представляет собой фундаментальную основу функционирования блокчейн-систем. В отличие от

⁸ См.: Новоселова Л. А. О правовой природе биткоина // *Хозяйство и право*. 2017. № 9. С. 3—16.

⁹ См.: Рожкова М. А. Цифровые активы и виртуальное имущество: как соотносится виртуальное с цифровым // *Закон.ру*. 2019.

¹⁰ Федоров Д. В. Токены, криптовалюта и смарт-контракты в отечественных законопроектах с позиции иностранного опыта // *Вестник гражданского права*. 2018. № 2. С. 30—74.

традиционных систем учета прав, где достоверность операций обеспечивается централизованным авторитетом¹¹ (например, государственным регистратором), в блокчейне легитимность каждой транзакции подтверждается распределенным консенсусом участников сети.

Необходимость уяснения особенностей технической работы систем проверки в распределенных реестрах обусловлена тем, что ее значение выходит далеко за пределы физической картины мира и имеет существенное влияние на правильное формирование правовой системы.

Первым этапом является проверка криптографической подписи владельца. Эта процедура математически доказывает, что операция инициирована именно владельцем актива, использующим соответствующий приватный ключ. Криптографическая подпись не может быть подделана или использована повторно, что обеспечивает высочайший уровень защиты от несанкционированных операций.

После проверки криптографической подписи следует этап валидации транзакции узлами сети. В ходе этого процесса каждый узел самостоятельно проверяет соответствие транзакции установленным правилам протокола. Проверяется не только формальная корректность операции, но и наличие у отправителя достаточного количества активов для совершения транзакции, отсутствие попыток двойного расходования средств, соответствие транзакции установленным ограничениям и правилам.

Достижение консенсуса происходит путем согласованной работы всех узлов сети. При этом могут использоваться различные алгоритмы консенсуса (Proof of Work, Proof of Stake и др.), но их общей чертой является необходимость достижения согласия большинства участников относительно легитимности каждой операции. Этот механизм принципиально отличается от традиционных систем, где достаточно решения одного «центрального» субъекта.

Завершающим этапом является включение транзакции в блок и его добавление в цепочку. После включения транзакции в блок и добавления нескольких последующих блоков операция становится неизменяемой, что создает высочайший уровень надежности и необратимости совершенных действий.

Решение о внесении изменений в систему, а именно активация ключа доступа и передача доступа третьему лицу, осуществляется с уведомления и активного содействия всех остальных участников системы. Иными словами, для передачи цифрового актива от одного лица другому недостаточно их воли и волеизъявления, выраженного в действиях по передаче цифровой сущности, необходимо активное содействие со стороны всех других участников системы.

Технологическая определенность владения цифровыми активами представляет собой еще одну фундаментальную характеристику, существенно влияющую на вопрос применимости института добросовестного приобретателя. В традиционном гражданском обороте часто возникают ситуации, когда фактическое владение вещью не совпадает с юридическим титулом, что создает предпосылки для возникновения института добросовестного приобретения. Однако в случае с цифровыми активами такая ситуация технически невозможна.

¹¹ Санникова Л. В., Харитонова Ю. С. Цифровые активы как объекты предпринимательского оборота // Право и экономика. 2018. № 4. С. 27—34.

Криптографическая идентификация обеспечивает однозначную и неразрывную связь между активом и его владельцем через механизм публичного и частного ключей¹². Эта связь имеет математическую природу и не может быть нарушена или подделана¹³. Технологическая архитектура блокчейна исключает возможность одновременного владения одним активом разными субъектами¹⁴. В любой момент времени система однозначно определяет владельца актива, основываясь на криптографической связи между активом и ключом.

Процесс передачи цифрового актива представляет собой сделку принципиально нового вида: общество выступает не в качестве безмолвного свидетеля, наблюдающего за действиями сторон по передаче блага в ожидании заинтересованного лица, которое может ее оспорить, а становится основным действующим лицом, от усмотрения и действий которого зависит совершение сделки не только по праву, но и по факту. Если в физическом мире передача вещи по факту может не совпадать с передачей вещи по праву, то в цифровой среде подобное разделение становится невозможным.

Процесс передачи цифровых активов, требующий активного содействия со стороны всех третьих лиц, может и не обладать свойством легальности (в части соответствия конкретным нормам действующего права), но однозначно и бесспорно обладает свойством легитимности¹⁵, юридическое значение которого явно превосходит значение свойства законности¹⁶.

Анализируя экономические последствия потенциального применения института добросовестного приобретателя к цифровым активам, необходимо учитывать фундаментальные особенности современного цифрового рынка.

Скорость совершения транзакций в цифровой среде создает новые экономические возможности и одновременно новые риски¹⁷. Мгновенное совершение операций означает, что между моментом инициации транзакции и ее завершением проходят считанные секунды. Это радикально отличается от традиционного оборота, где процесс передачи прав может занимать дни или недели¹⁸. Такая скорость позволяет проводить множество последовательных транзакций в короткий период времени, что создает сложные цепочки передач прав.

Глобальный характер цифрового оборота, не ограниченный временными зонами и государственными границами, также существенно влияет на экономическую природу транзакций.

¹² *Савельев А. И.* Договорное право 2.0: «умные» контракты как начало конца классического договорного права // Вестник гражданского права. 2016. № 3. С. 32—60.

¹³ *Тапскотт Д., Тапскотт А.* Технология блокчейн: то, что движет финансовой революцией сегодня. М.: Эксмо, 2017. С. 156—158.

¹⁴ *Башкатов М. Л.* Современные проблемы права собственности на бездокументарные ценные бумаги и криптоактивы // Гражданское право. 2019. № 2. С. 41—45.

¹⁵ *Habermas J.* Legitimation Crisis. Boston: Beacon Press, 1975. P. 95—102.

¹⁶ *Габов А. В.* Цифровые права как объекты гражданских прав // Журнал российского права. 2019. № 11. С. 128—140.

¹⁷ *Вайпан В. А.* Правовое регулирование цифровой экономики // Предпринимательское право. 2018. № 1. С. 12—17.

¹⁸ *Wright A., De Filippi P.* Decentralized Blockchain Technology and the Rise of Lex Cryptographia // SSRN Electronic Journal. 2015. P. 48—52.

Взаимосвязанность операций в цифровой среде достигает беспрецедентного уровня¹⁹. Использование смарт-контрактов для автоматизации операций создает ситуацию, когда одна транзакция может автоматически инициировать целую серию взаимосвязанных операций²⁰. Изменение статуса одной транзакции может иметь каскадный эффект для множества связанных операций.

Возможность каскадного эффекта при признании транзакций недействительными создает потенциальную угрозу стабильности всей системы. Влияние на связанные правоотношения может быть гораздо более существенным, чем в традиционном обороте, из-за высокой степени автоматизации и взаимосвязанности операций. Потенциальный ущерб третьим лицам в такой ситуации может быть непропорциональным.

В рамках развития системы правового регулирования необходимо создание комплексной системы норм, учитывающих технологическую природу цифровых активов, разработка которых должна основываться на понимании их уникальных характеристик.

Особого внимания заслуживает вопрос выработки специальных критериев для оценки действительности транзакций в цифровой среде. В отличие от традиционных сделок, где оценка действительности основывается преимущественно на анализе волеизъявления сторон и соблюдения формальных требований, при работе с цифровыми активами необходимо учитывать технологические аспекты совершения операций. Должны быть выработаны подходы к корректности криптографической подписи, соблюдению протокола консенсуса, технической валидности транзакции.

Технологическая несовместимость института добросовестного приобретателя с природой цифровых активов проявляется в нескольких ключевых аспектах.

Принципиальная невозможность выбытия цифрового актива помимо воли владельца исключает одну из базовых предпосылок существования данного института. Криптографические механизмы защиты и необходимость активного действия владельца для совершения транзакции создают ситуацию, в которой традиционное понимание добросовестного приобретения становится неприменимым.

В условиях, когда любой участник оборота имеет техническую возможность проверить всю историю владения активом, сама концепция добросовестного неведения утрачивает свое значение.

Современные технологические решения, такие как смарт-контракты, многоподписные транзакции и системы условного депонирования, в сочетании с рыночными механизмами защиты создают комплексную систему обеспечения безопасности операций, которая эффективно заменяет традиционные правовые институты.

¹⁹ Карцхия А. А. Цифровые технологические (онлайн) платформы: российский и зарубежный опыт регулирования // Гражданское право. 2019. № 3. С. 25—30.

²⁰ Савельев А. И. Указ. соч.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Вайпан В. А.* Правовое регулирование цифровой экономики // Предпринимательское право. — 2018. — № 1. — С. 12—17.
2. *Генкин А. С., Михеев А. А.* Блокчейн: Как это работает и что ждет нас завтра. — М. : Альпина Паблишер, 2018.
3. *Дождев Д. В.* Римское частное право : учебник. — М. : Норма, 2018.
4. *Карцхия А. А.* Цифровые технологические (онлайн) платформы: российский и зарубежный опыт регулирования // Гражданское право. — 2019. — № 3. — С. 25—30.
5. *Новицкий И. Б.* Римское право : учебник. — М. : Проспект, 2019.
6. *Рожкова М. А.* Цифровые активы и виртуальное имущество: как соотносится виртуальное с цифровым // Закон.ру. — 2019.
7. *Савельев А. И.* Договорное право 2.0: «умные» контракты как начало конца классического договорного права // Вестник гражданского права. — 2016. — № 3. — С. 32—60.
8. *Санникова Л. В., Харитонов Ю. С.* Цифровые активы как объекты предпринимательского оборота // Право и экономика. — 2018. — № 4. — С. 27—34.
9. *Суханов Е. А.* Вещное право: научно-познавательный очерк. — М. : Статут, 2017.
10. *Тапскотт Д., Тапскотт А.* Технология блокчейн: то, что движет финансовой революцией сегодня. — М. : Эксмо, 2017.
11. *Федоров Д. В.* Токены, криптовалюта и смарт-контракты в отечественных законопроектах с позиции иностранного опыта // Вестник гражданского права. — 2018. — № 2. — С. 30—74.
12. *Habermas J.* Legitimation Crisis. — Boston : Beacon Press, 1975.
13. *Szabo N.* Smart Contracts: Building Blocks for Digital Markets // EXTROPY: The Journal of Transhumanist Thought, 1996.
14. *Wright A., De Filippi P.* Decentralized Blockchain Technology and the Rise of Lex Cryptographia // SSRN Electronic Journal. — 2015. — P. 48—52.